

Вяч. Иванов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ХЕТТСКОГО ТЕРМИНА PANKU- «СОБРАНИЕ»

Вопрос о panku- представляет большой интерес для изучения проблемы сохранения пережитков родового строя и для исследования происхождения государства на древнем Востоке. Однако, хотя вопрос о хеттском собрании неоднократно обсуждался в трудах советских историков, его всестороннему рассмотрению препятствовало недостаточное внимание к данным древнейших хеттских источников (в частности, хеттско-аккадской билингвы Хаттусилиса I) и к лингвистическим фактам. Между тем тесное сочетание языковедческого и исторического анализа особенно необходимо при исследовании происхождения этого термина, так как это один из тех хеттских социальных терминов, которые имеют индоевропейскую этимологию¹. Поэтому сравнение хеттского panku- с родственными словами других индоевропейских языков позволяет установить древнейшее значение слов этого корня и проследить их историю в период, предшествовавший появлению древнейших хеттских письменных памятников.

1. *Значение общеиндоевропейского *bhṅǵhú и других производных от корня *bhenǵh-*. Хеттское существительное panku- «собрание» по происхождению является субстантивированным прилагательным panku- «совокупный» (это видно и из склонения этого существительного, которое изменяется по типу прилагательных на -u-). Хеттское прилагательное panku- родственно древнеиндийскому bahú- и греческому παυός, восходящим к общеиндоевропейскому *bhṅǵhú². Это общеиндоевропейское прилагательное образовано от корня *bhenǵh- посредством суффикса *(e)u-, который выступает и в ряде других индоевропейских прилагательных со значениями «тяжелый», «глубокий», «высокий» и т. п.³. Характерное для

¹ Ср. о таких терминах Н. К р о н а s s e r, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*, Heidelberg, 1956, стр. 220.

² Этимология хеттского panku- была впервые дана Е. Н. Sturtevant, *Indo-European bh corresponds to Hittite p*, JAOS, 50 (1930), № 2, стр. 125—126; он же, *The gutturals in Hittite and in Indo-European*, «Language», 6 (1930), стр. 216. Реконструкция общеиндоевропейского *bhṅǵhú принята в большинстве современных работ по хеттскому языку, ср. Е. Benveniste, *La flexion pronominale en hittite*, «Language», 29 (1953), стр. 258; К р о н а s s e r, *ук. соч.*, стр. 53; менее вероятной представляется реконструкция формы с огласовкой *e—*bhēng̃hu-, которую предлагает О. S z e m e r é n y i, *Hittite pronominal inflexion and the development of syllabic liquids and nasals*, KZ, 73 (1955), 1/2, стр. 77. Со стороны значения данная группа слов до настоящего времени подробно не исследовалась.

³ Ср. о семантике индоевропейских прилагательных на -u- F. Specht, *Der Ursprung der Indogermanischen Deklination*, Göttingen, 1947, стр. 108—109.

индоевропейских прилагательных на -и- значение интенсивного качества имелось и у прилагательного *b^hṛǵh^hú, как показывает сравнение слов этого корня в древнегреческом и древнеиндийском языках.

Древнегреческое παχύς⁴ и формы степеней сравнения этого прилагательного в поэмах Гомера употребляются для обозначения крупной величины, больших размеров как отдельных частей тела, так и всего тела человека. На то, что имеется в виду большая величина тела человека или частей тела без каких-либо определенных дополнительных оценок, указывает употребление одного и того же прилагательного по отношению к шее циклопа Полифема (ι 372) и по отношению к Энею (Ε 309), Одиссею (ζ 128; ζ 230; θ 20) и его родственникам (σ 195; ω 369).

Сходные значения устанавливаются для παχύς в сочетании с названиями предметов (посоха, диска, камня и т. п.). В таких сочетаниях в поэмах Гомера παχύς и другие производные от корня παχ- <*b^hṛǵh^h- обозначают большой размер, величину, ширину, толщину, густоту. Поэтому они нередко сочетаются с другими словами, имеющими значение «большой», «длинный» и т. п. (μεῖζων, μακρότερον, μήκος). Обычно с помощью этих слов дается качественная характеристика. О количественной характеристике можно говорить (и то с оговорками) только по отношению к αἷλος ... παχύς ... αἶματος (χ 18—19) «широкая струя крови» (речь идет о большом количестве крови, текущей из носа, поэтому и употреблено слово αἷλος, буквально «трубка»). Вряд ли можно полностью отделить этот случай от сочетания παχύς с αἶμα «кровь» в «Илиаде» (Ψ 697): αἶμα παχὺ, которое обычно переводят «густая кровь». Некоторые (довольно редкие) случаи, когда παχύς благодаря семантике определяемого существительного приближается к значению «многочисленный», можно привести из позднейших авторов: в применении к τράπεζα «стол» в значении «обильный стол» («стол, заставленный многочисленными яствами») — у Филострата; в применении к перифразу в смысле «пространная, многословная речь» — у Лонгина⁵. Но такого рода употребление παχύς в древнегреческом не получило распространения.

Совсем иную картину представляет санскрит, где bahú- является чрезвычайно употребительным словом с основным значением «многочисленный». Панини в своей грамматике (I, 1, 23) относил bahúḥ «многочисленный» к числу слов, определяемых как samkhyā «(название) числа»⁶. Продуктивность bahú- в этом значении в санскрите очень велика: число производных от bahú- и сложных слов, первым компонентом которых является bahu- «много-», доходит почти до ста⁷. Начало распространения этих производных и сложных слов можно видеть еще в ведическом языке; но ведический же позволяет установить, что значение bahú- не является исходным. На первоначальный характер значения «многий, многочисленный» у дриид. bahú- указывают не только некоторые случаи употребления этого слова

⁴ По-видимому, это слово встречается уже в греческих надписях линейного письма Б, см. о pa-ke-we: M. Ventris—J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956, стр. 403; ср. о форме pa-ko-wa В. Георгиев, Второе дополнение к словарю крито-микенских надписей, София, 1956, стр. 63 (ср. -ow- = oF, предпологаемое в этой форме, и -aḥ- из индоевропейского *-ou- в хеттских формах типа родительного падежа от panku- — pangauš).

⁵ См. примеры Н. G. Liddell—R. Scott, Greek-English Lexicon, т. II², Oxf., 1948, стр. 1351.

⁶ Рену в своем переводе грамматики Панини передает samkhyā посредством французского («nom de nombre»), L. Renou, La grammaire de Pāṇini, I, P., 1948, стр. 5.

⁷ См. их перечень в большом санскритском словаре Российской Академии Наук: O. Böhlingk—R. Roth, Sanskrit-Wörterbuch, т. 5, СПб., 1868, стр. 49—61.

в «Ведах», но и древние производные от *bahú-* и вообще от корня *bamh-/bah-* в индоиранском.

В древнеиндийском имеются производные от этого корня, которым соответствуют древнегреческие производные, образованные от того же корня с помощью тех же суффиксов: древнеиндийская форма превосходной степени *bámhiṣṭha-* соответствует *πᾶχιστος* (но с другой огласовкой корня); древнеиндийское производное от *bahú* — *bahulá-* в точности соответствует древнегреческому *παχυλός*⁸. Эти два слова можно считать общими для древнеиндийского и древнегреческого; их образование можно с известным вероятием отнести к дописьменному периоду, к которому относится возникновение многих явлений, общих для древнегреческого и древнеиндийского. Поэтому можно предположить, что значения древнеиндийских *bámhiṣṭha-* и *bahulá-* могут отражать древнее состояние. Действительно, значения этих слов оказываются гораздо ближе к значению древнегреческого *παχύς*, чем значение *bahú-*. Эти два производных слова, сохранив более древнее значение, тем самым оказались тесно между собой связанными. В особенности это очевидно в классическом санскрите, где *bahú-* полностью утратило следы более древнего значения, заметные в «Ведах». На особое семантическое положение *bámhiṣṭha-* и *bahulá-* в санскрите со свойственной ему пронизательностью обратил внимание Панини, который в своей грамматике (VI, 4, 157) называет *bámhiṣṭha-* превосходной степенью к *bahulá-* (а не к *bahú-*, значение которого ко времени составления грамматики Панини уже заметно отличалось от значения *bámhiṣṭha-*).

В «Ригведе» близость *bámhiṣṭha-* и *bahulá-* проявляется, в частности, в подборе слов, с которыми они сочетаются: *bámhiṣṭha-* употребляется в «Ригведе» только один раз — в качестве определения *śárma* «защита, защищенное место»: *bámhiṣṭham śárma* «крепчайшая, сильнейшая защита» (RV, V, 62, 9 — в обращении к Митре-Варуне). *Bahulá-* в «Ригведе» дважды сочетается с тем же словом *śárma*: *śárma bahulám* «широкая защита»⁹ (RV, V, 55, 9; VI, 51, 5).

Значения дринд. *bahulá-* особенно показательны для сопоставления с семантикой древнегреческого *παχύς*. Вedicское словосочетание *bahulá gábhastí* «широки (толсты) руки» (RV, VI, 19,3) соответствует гомеровскому *χερὶ παχείῃ* (E 309; ζ 128) «толстой рукой»¹⁰. Подобно тому, как в «Илиаде» и «Одиссее» *παχύς* и другие слова того же корня (*παχ-*) употребляются параллельно с иными словами, обозначающими крупную величину, большие размеры, в «Ригведе» *bahulá-* во многих случаях сочетается с прилагательными *prthú-* «широкий», *urú-* «обширный»,

⁸ У Гомера не засвидетельствовано; известно у Аристотеля в наречной форме *παχυλῶς* «грубовато».

⁹ В последнем переводе «Ригведы» данное сочетание переводится «ausgedehnten Schutz» — K. F. Geldner, *Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt*, ч. 2, Cambridge (Mass.), 1951, стр. 154, и «reichlichen Schutz» (там же, стр. 63).

¹⁰ В этих сочетаниях можно было бы видеть косвенный аргумент в пользу гипотезы о связи *bahu-* и т. п. с древнеиндийским *bāhūḥ* «рука», авестийским *bāzuḥ* «рука», древнегреческим *πῆχυς* «локоть», германским **bōgu-*. Но фонетические обоснования этой гипотезы, приводимые Н. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, т. II, Heidelberg, 1921, стр. 75, сомнительны, а наличие в «тохарском» слова *A B roke*, *B rauke* «рука» подтверждает большую древность этого названия рук и (или части руки); см. об этимологии этого слова E. Benveniste, *Analyse d'un vocable primaire: indo-européen* **bhāghu-*, «bras», BSL, 52 (1956), fasc. 1, стр. 60—71 (где вызывает возражение объяснение «тохарских» слов, так как соответствие «тохарского» *A B o* и «тохарского» *Bau* обычно свидетельствует о монофтонгизации *au* в *o*, см. W. Krause, *Westtocharische Grammatik*, ч. 1, Heidelberg, 1952, стр. 6—7). Вопрос о связи этих двух групп слов (*panku-*, *παχύς* и *bahú-*, с одной стороны, *ροκε*, *πῆχυς* и *bāhūḥ*, с другой) относится к области гипотетических догадок о доистории общиндоевропейского языка.

gabhīrá- «глубокий». В особенности часто bahulá- употребляется в сочетании с ṛṥhú- (семь раз)¹¹. Так, в только что упомянутом месте (RV, VI, 19, 3) рядом с bahulá gábhastī стоит ṛṥhú karásnā; эти параллельные словосочетания синонимичны, и то и другое означает «широки руки»¹². Синонимичность существительных (gábhasti- «рука» и karásna- «рука») подчеркивает близость значений определяющих их прилагательных bahulá- и ṛṥhú-. В остальных случаях ṛṥhú- и bahulá- относятся к одному и тому же существительному; иногда к ним присоединяется gabhīrá- «глубокий» или ugú- «обширный», благодаря чему создается нагромождение эпитетов, показывающих величину определяемого предмета. В «Ригведе» такое сочетание bahulá- и ṛṥhú- часто применяется к dyāvā-ṛṥhivī «земля и небо» (двойное божество), напр., RV, IV, 23, 10: ṛṥhivī bahulé gabhīré «широкие, обширные, глубокие» (о земле и небе).

Те места «Ригведы» (I, 185, 7; IV, 23, 10; X, 178, 2), где bahulá- в сочетании с ṛṥhú- определяет dyāvā-ṛṥhivī, представляется целесообразным сопоставить со следующим авестийским текстом, где древнеиранские производные от тех же корней используются для характеристики огромных размеров земли: avavaitya bazasča fraḥasča pairi. tanuya, yaḥa īm zā, astiča īm zā avaiti bazo yavaiti fraḥasčit «я отгону (буквально «отделю, отстраню») [его душу от местопребывания душ] на такое расстояние в высоту и в ширину как земля; а земля так же огромна в вышину, как и в ширину»¹³ (Yasna, 19, 7). Здесь для характеристики необъятности земли употребляются существительные fraḥah < *pleth-os «ширина» и bazah < *b^heng^h-os «высота» (ср. образованное посредством того же суффикса греческое παχ-ος); морфологическая однотипность двух этих существительных соответствует морфологической однотипности образованных от тех же корней ведических прилагательных ṛṥhú- < *ṛṥt^h-ú- и bahu-(la)- < *b^hng^h-u-, сочетающихся в аналогичном контексте. Сравнение указанных мест «Ригведы» и «Авесты» позволяет установить, что в древних индоиранских языках производные от *b^heng^h- служили для обозначения огромных размеров земли¹⁴ (и неба), ее протяженности во всех направлениях — как в горизонтальном, так и в вертикальном (то есть в вышину). В древнеиранском bazah стало обозначать протяженность только в вертикальном направлении: это авестийское слово имеет значения «высота, глубина» (ср. сакское baysga- «глубокий» и древнеинд. gabhīrá- «глубокий», сочетающееся с ṛṥhú- и bahu- в качестве определения к dyāvā-ṛṥhivī в «Ригведе», IV, 23, 10 и X, 178, 2). Сопоставление древнеиранского с древнеиндийским позволяет

¹¹ Н. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Lpz, 1873, стр. 903, приводит шесть случаев, но он при этом не учитывает RV, VI, 19, 3, где bahulá- и ṛṥhú- определяют синонимичные существительные (см. ниже).

¹² Ср. перевод Гельднера: «breit (sind) ... Arme, umfangreich die Hände» (ук. соч., ч. 2, стр. 116).

¹³ Перевод этого места дается согласно Ch. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, стб. 962; перевод первой половины этого предложения, данный Н. Reichelt, Avesta Reader, Texts, Notes and Index, Strassburg, 1911, стр. 174, повторяет толкование Бартоломэ. С авестийским bazah сопоставляется осетинское бæдзжын «толстый, тучный, густой, плотный» и сакское baysga- «глубокий». Семантическая близость этих слов к другим рассмотренным выше заставляет усомниться в правильности формы *dbanza-, предполагаемой в последней статье E. V e n v e n i s t e, Etudes sur la phonétique et l'étymologie de l'ossète, BSL, 52 (1956), fasc. 1, стр. 19—21. Пользуюсь случаем принести благодарность В. И. Абаеву за любезно сообщенные им сведения об осетинском слове.

¹⁴ О необъятности размеров земли согласно ведическим космогоническим представлениям ср. А. В. Keith, The religion and philosophy of the Veda and Upanishadas, Cambridge (Mass.), 1925, стр. 78, 174.

предположить для общеиндоиранского (общеевропейского) корня, к которому восходят *bamh-/bah-* и *baž-*, древнее значение очень большой величины, обширности, огромности.

Вместе с тем производные от корня *bamh-/bah-* в древнеиндийском имеют и значения «плотный, крепкий, густой». В «Ригведе» *bahú-* в одном случае выступает в качестве определения к *tamas* «тьма» (RV, VI, 10, 4) в значении «густой, плотный». Значение «крепчайший» устанавливается для формы превосходной степени *bámhiṣṭha-* (ср. выше). Корневой глагол *bamh-*, насколько можно судить по засвидетельствованному в «Ригведе» причастным формам (личные формы глагола в «Ведах» не засвидетельствованы), имел значение «быть крепким, плотным, сильным»; каузативный глагол *bamháya-* в санскрите имеет значение «укреплять». Санскритское прилагательное *bahala-* (в «Ведах» не засвидетельствованное) имеет значения «плотный, густой» (применительно к какому-либо веществу или жидкости — ср. у Гомера *κίμα παχὺ* «густая кровь»). Связь значений «обширный, широкий» и «густой, крепкий, плотный» у производных от корня *bamh-/bah-* оставалась очень тесной еще в классическом санскрите, как об этом свидетельствует грамматика Панини. Панини (VI, 4, 157) считал *bamháya-* отымненным глаголом, образованным от *bahulá-* (ср. также выше о связи *bahulá-* и *bámhiṣṭha-* в оценке Панини).

Значения «крепкий, плотный, густой, обширный», имеющиеся у производных от этого корня, легко объясняют употребление некоторых из этих производных в наречной функции для обозначения интенсивности действия: страдательное причастие прошедшего времени *bādhá* от *bamh-* (с закономерным выпадением носового¹⁵) в форме местного падежа ед. ч. *bādhé* (RV, I, 181, 7, ср. *bādha-sítvā*, RV, I, 122, 10), а также *bahú* (форма ср. р., им. — вин. п.) в двух местах X мандалы «Ригведы» имеют значения «с силой, сильно, очень». Это отвлеченное значение, по-видимому, вторично по сравнению со значениями «обширный, густой», которые устанавливаются с большой достоверностью благодаря совпадению древнегреческих и древнеиндоиранских фактов. Вторичным является и значение «многочисленный».

Для объяснения связи более древних значений «обширный, густой» с более новым значением «многочисленный» существенно употребление в «Ригведе» слова *bahulá-*, значение которого, как отмечалось выше, отражает весьма архаичное состояние. *Bahulá-* в «Ригведе» часто выступает в качестве определения к *gau-* «богатство, добро»: *gauim bahulám* «обильное богатство» (RV, III, 1, 19; IX, 72, 8; IX, 107, 21). Здесь *bahulá-* сохраняет связь с обычным своим значением «обширный»; но в то же время речь идет об обширной совокупности благ. Этому отвечает и употребление *bahú-* в качестве определения к *vasavía* «богатство»: *bahú vasavyám* (RV, II, 13, 13) «обильное богатство». Как отмечалось выше, для производных от корня *bamh-/bah-* и, в частности, для *bahú-*, в древности были характерны значения «обширный» и «густой, плотный». В случаях, когда речь шла о множестве, совокупности предметов, эти два значения тесно сближались: совокупность предметов является обширной (многочисленной) и вместе с тем густой (ср. русское «гуща» в применении к толпе, сборищу). Эту древнюю связь различных значений *bahú* можно увидеть на следующем ведическом примере: колчан, полный стрел, в «Ригведе» назван *bahvínám pitá bahúr* (RV, VI, 75, 5). Здесь *bahú-* употреблено дважды: в форме род. пад. мн. ч. *bahvínám* «многочисленных (густо заполняющих колчан, обильных стрел)» применительно к стрелам, и в форме им. пад.

¹⁵ A. Macdonell, Vedic Grammar, Strassburg, 1910, стр. 404.

ед. ч. *bahú* в применении к колчану, который назван «отцом (*pitá*) стрел». В применении к колчану прилагательное *bahú*- в данном контексте означает «включающий целую совокупность (густо заполняющих колчан стрел)». Таким образом, в этом ведическом примере значения обширности, густоты и собирательности оказываются тесно между собой связанными. Подобное употребление *bahú*- в значении собирательности, совокупности следует признать первичным по отношению к значению многочисленности, которое уже в «Ригведе» отмечается и для *bahú*- (в ряде случаев), и для *bahulá*- (в редких случаях, из которых лишь один RV, VII, 76, 3 — можно признать относящимся к древнему тексту). Первичное собирательное значение *bahú*- в более поздних частях «Ригvedы» сливается со вторичным значением «многочисленный»¹⁶. В санскрите этот древний оттенок значения полностью исчезает и вытесняется значением «многочисленный».

Таким образом, сопоставление древнегреческих и индоиранских фактов позволяет установить для **b^hṛḡhú*- древние значения «обширный; густой». Ведические факты говорят о древнем употреблении этого прилагательного в собирательном значении: «обширный, густой, охватывающий целую совокупность предметов». Как будет показано ниже, хеттские факты совпадают с ведическими; это позволяет предположить, что собирательное значение было очень древним, но отсутствие соответствующих фактов в древнегреческом делает возможным и другое объяснение, согласно которому налицо результаты параллельного семантического развития в древнеиндийском и хеттском индоевропейского прилагательного со значением «обширный, густой».

Значение, установленное выше для общеиндоевропейского **b^hṛḡhú*-, согласуется и с семантикой литовского *bingùs*, которое многие лингвисты связывают с этой же группой слов¹⁷. Литовское *bingùs* употребляется чаще всего в качестве эпитета к слову «конь» (*arklỹs, žirgas*)¹⁸ для характеристики его достоинств; в этом употреблении *bingùs* может иметь значения «красивый, статный, видный, откормленный» и т. п. Значение «откормленный (*išpenėtas*)»¹⁹ может быть сопоставлено со значением *παῦς* «толстый, гучный, мясистый» у Гомера; другие значения *bingùs* могут быть сопоставлены с гомеровским употреблением формы сравнительной степени от *παῦς παύσω* в стереотипной формуле, где этот эпитет применяется к Одиссею и его родственникам, чья внешность была украшена богиней Афиной (ζ 230; θ 20; σ 195; ω 369). Для установления значения данного корня в старолитовском языке особый интерес представляет глагол *biŋgti* (*bingsta*,-o), встречающийся в литовских памятниках XVI в. в значении «увеличиться, усилиться, превысить меру», которое соответствует значе-

¹⁶ См. об употреблении в X мандале «Ригvedы» (102, 8) *bahu*- в форме единственного числа в сочетании с собирательным существительным *jana* «род, люди» («воины» в данном гимне) В. В. И в а н о в, Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 47, прим. 21. Ср. о возможном отражении собирательного значения в персидском Е. Р. Н а m p—Н. G. G ü t e r b o s k, *Hittite šuwaya-*, «Revue hittite et asianique», 58 (1956), стр. 25, прим. 7.

¹⁷ См. К. В r u g m a n n, *Lateinische Etymologien*, «Indogermanische Forschungen», IX (1898), 2 Hft, стр. 346—353. Эта этимология, как и объяснение латышского *biezs* «плотный, густой» и других слов балтийских языков, сопоставляемых с *bahú*-, представляет некоторые фонетические и семантические трудности, которые можно было бы объяснить более поздним смещением в балтийских языках производных от двух разных корней (ср. литовское *bingùs* и *bangùs* «сильный, проливной, бурный»).

¹⁸ См. многочисленные примеры, приведенные в «*Lietuvių kalbos žodynas*» (redagavo J. B a l č i k o n i s), m. I. A — B, Vilnius, 1941, стр. 683.

¹⁹ См. там же, стр. 683; «*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*», Vilnius, 1954, стр. 80.

ниям производных от корня *b^heng^h- в древнеиндийском и древнегреческом.

Корневой глагол *b^heng^h-, с которым может быть связано литовское *biŋgti*, в древнеиндийском отражен только в производных отглагольных (в том числе причастных) формах; о существовании родственного глагола в греческом может свидетельствовать производное *πάχ-ετος*, в котором выделяется суффикс отглагольных имен *-ετος*²⁰. В хеттском языке соответствующий глагол не сохранился, но в его функции в древнехеттском языке употреблялся производный глагол *rangarija*-«увеличиваться». Этот глагол архаичного типа на *-arija-*, морфологические особенности которого позволяют отнести его возникновение к дописьменному периоду развития хеттского языка, сохранил древнее значение, присущее рассмотренным выше производным от корня *b^heng^h-. Значение глагола *rangarija*- можно точно определить на основании древнехеттской надписи царя Телепинуса, где *rangarija* в стереотипной формуле чередуется с синонимичным глаголом *makkeš*- «умножаться, стать многочисленным, увеличиваться», ср. дважды повторяющуюся формулу *e-eš-har pa-an-ga-ri-ja-at-ta-ti* «кровь увеличивалась (в количестве), крови становилось много» (Tel., II, § 27, 31; 32—33) и вариант этой формулы *e-eš-har ma-ak-ki-eš-ta* «крови становилось все больше и больше» (Tel., II, § 30, 48). Глагол *makkeš*-, чередующийся в данном тексте с *rangarija*, образован посредством продуктивного суффикса *-eš* от прилагательного *mekki*- «многочисленный», родственного греческому *μέγας* «большой». Поэтому следует отметить, что форма сравнительной степени от *μέγας* — *μεῖζων* у Гомера сочетается в ряде случаев с производными от корня *παχ-*: с формой сравнительной степени *πάσσων* и с прилагательным *πάχετος*, по корню родственными *rangarija*-. Близость значений хеттских глаголов *makkeš*- и *rang-arija*- находит соответствие в связи родственных древнегреческих слов *μεῖζων* и *πάσσων*, *πάχετος*. Вместе с тем хеттское *ešhar rangarijattati* «кровь увеличивалась (в количестве), крови становилось много» можно сравнить с цитированным выше *ἄλλος... παχὺς... αἷματος* «широкая струя крови» у Гомера (ср. также частое употребление литовского *biŋgti* в контексте, где речь идет о болезни: «болезнь увеличивается; болезнь становится злее, опаснее»).

Хеттские глаголы на *-arija-*, к числу которых принадлежит *rangarija*-, первоначально соотносились с архаичными именными основами на *-(a)ri-*, от которых они были образованы, ср. *etrija*- «кормить»: *etri* «еда». Но в большинстве случаев эти основы на *-ari-* не засвидетельствованы, ср. *šurr-arija*- «спать» (:šur- «спать»), *gimmant-arija*- «зимовать» (:gimmant- «зима») и т. п. Глагол *rangarija*- занимает промежуточное положение между глаголами на *-arija-*, сохранившими живую связь с именами на *-ri*, и глаголами, полностью ее утратившими. Именная основа *rangar* (i)- (родственная древнеиндийскому *bahala*- «плотный, густой») сохранилась в окаменевшей форме творительного падежа *rangarit*, употреблявшейся в функции наречия, но значение этой формы далеко отошло от значения глагола *rangarija*-. Семантическое развитие формы *rangarit* было тесно связано с развитием значений родственного прилагательного *panku*-.

2. Особенности употребления хеттской формы *rangarit* и прилагательного *panku*-. Морфологическая связь между основой на *-u* — *panku*- (древнеиндийск. *bahú-*) и основой на **-g* — *rangar*- (древнеиндийск. *bahal*-) соответствует древнейшим закономерностям индоевропейского именного словообразования, ср. аналогичную связь между хеттским *park-u*- «высокий» и «тохарским А» *pärkär*, хеттским *ter-u*- «маленький» и древнеиндий-

²⁰ Ср. P. Chantraine, *La formation des noms en grec ancien*, P., 1930, стр. 300; E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, I, München, 1939, стр. 502.

ским *dabh-ḡa-* и т. п. Родство хеттских слов *panku* и *rangarit* было предположено уже давно²¹, но до настоящего времени оно не было доказано, так как не было обращено внимание на сходство в значении и употреблении этих слов, отчетливо обнаруживающееся в ряде хеттских текстов. Между тем это существенно не только для изучения генетической связи между данными словами, но и для определения точного значения слова *rangarit*. Значение этого слова определялось обычно на основании значения производного глагола *rangarija-*; поэтому *rangarit* переводится «во множестве, массой»²².

Но следует подчеркнуть, что форма *rangarit* встречается только в текстах военного характера в применении к войску. Сходным образом во многих случаях употребляется и прилагательное *panku-* «совокупный, целый». Это совпадение не может быть случайным, так как в ряде мест анналов Суппилулиумаса *rangarit* употребляется в стереотипной формуле о поражении и гибели вражеского войска: ERÍN^{MEŠ} LÚ KÚR pa-an-ga-ri-it BA.BAD «вражеское войско погибло целой массой (целиком)», а в соседних строках то же вражеское войско определяется прилагательным *panku-* «целый, совокупный» (ср. 2 ВоТУ 37, I, 5—6 и I, 8—10; KUB, XIX, II, I, 6 и I, 8—9; I, 12 и I, 17; KUB, XXIII, 2, III, 53 и 54 и др.). Особенно показательно следующее место анналов Суппилулиумаса (фрагмент 15, F, IV, 9—10, ср. там же, 12)²³: [...nu-kán- u-ni pa-lan-ku-un ŠU-TI [ku-en-ta] nu ERÍN^{MEŠ} LÚ KÚR pa-an-ga-ri-it BA.BAD «[и упомянутое] целое племя [он разбил], и вражеское войско погибло целиком». Эти тексты показывают, что значение *rangarit* в этой формуле близко к значению *panku-*: оба слова служат для обозначения величины целого войска (обширное войско = целое войско). Это соответствует контексту: речь идет о полной победе полководцев, поддержанных богами, над их противниками²⁴. Поэтому употребление *rangarit* в данной формуле можно сравнить с употреблением *panku-* в астрологическом предсказании, где речь идет о гибели целого (обширного) войска (KUB, VIII, I, III, 6), ср. также приведенное сочетание ERÍN^{MEŠ} LÚ KÚR pa-an-ga-ri-it «вражеское войско целиком» и сочетание LÚ KÚR ERÍN^{MEŠ}. 𐎠.𐎠 pa-an-ku-uš

²¹ Sturtevant, The gutturals..., стр. 216.

²² A. Götz, Madduwattas, Lpz, 1928 (MVAG, 32, 1, Hethitische Texte in Umschrift Hft. III), стр. 115. Перевод, предложенный (без доказательств) Форрером: «ingesamt (?)» ВоТУ, 2, стр. 31*, остался незамеченным ввиду того, что он был указан мимоходом (в примечаниях к текстам, транслитерированным Форрером), причем анализа соответствующих примеров (в отличие от Гётце) Форрер не дал. За данным Гётце толкованием примеров употребления *rangarit* до настоящего времени следовали и другие хеттологи: J. Friedrich, Zu AO24, 3, ZA, NF, II, (1925), 3/4 Hft, стр. 374; он же, Hethitisches Wörterbuch, вып. 2, Heidelberg, 1953 (далее цитируется Friedrich, HW, 2), стр. 157; H. G. Güterbock, The deeds of Suppiluliuma as told by his son, Mursuli, II, JCS, X (1956), № 2, стр. 60, 63, 66, 68; № 3, стр. 75, 80, 91; № 4, стр. 112, 114—115, 117—119 (далее цитируется: Güterbock, DS). Гётце предположил также, что *rangarit* тождественно идеографическому написанию ŠU. DIM-it «с силой». С этим нельзя согласиться, так как наряду с ŠU. DIM-it существуют и другие падежные формы: ŠU. DIM-az, ŠU. DIM-za, тогда как *rangarit* — окаменевшая падежная форма именной основы, от которой другие падежные формы не засвидетельствованы.

²³ Цитируется по изданию: Güterbock, DS, стр. 75.

²⁴ Предлагаемый перевод *rangarit* «целиком» в выражении «вражеское войско погибло целиком» не противоречит тому, что в нескольких случаях вслед за этим говорится о большом числе взятых пленных (KUB, XIX, II, I, 9 и I, 17), так как здесь идет речь не столько о физическом уничтожении всего войска, сколько о его разгромах. Следует отметить, что (согласно реконструкции Güterbock, DS, стр. 64) в KUB, XIX, II, I, 9 за *rangarit* следует mekki- «многочисленный» (о пленных), ср. выше о связи родственных глаголов *rangarija-* и *makkeš-*.

«соединенное (целое) войско врага» (KUB, IX, I, III, 24), pa-an-ku-uš LÚKÚR «объединенный враг (враг со всем своим войском)» (KUB, XXIII, 55, 12)²⁵. Правильность такого понимания указанной формулы в анналах Суппилулиумаса подтверждается другим местом тех же анналов: pa-aš-za hu-u[-m]a-an-du-uš tar-aḥ-ḥi-ir nu LÚKÚR pa-an-ga-ri-it BA.BAD «и они их (т. е. врагов) всех победили, и враг погиб полностью (целиком)» (KBo, V, 6, I, 27). В последнем примере rangarit близко по значению к слову humant- «весь»²⁶, которое в других текстах выступает в качестве синонима panku-, ср., например, panku- в конце перечисления GUD UDU NINDA. KUR. RA pankun²⁷ «(и) бык, (и) овца, (и) хлеб (насущенный) совокупно (т. е. все вместе; буквально «совокупный» — форма вин. пад. ед. ч.)» и синонимичное humant- «весь» в параллельном тексте: IŠ-TU GUD^{III.A} UDU^{III.A} NINDA KAŠ Ū IŠ-TU GEŠTIN humandaz «со всеми быками, овцами, хлебом, пивом и вином» (наставления должностным лицам храма, I, 46—47)²⁸ panku- в выражении šumeš LÚMEŠ URUHatti pankuš «вы, (все) объединенные люди страны Хатти» (KUB, XXI, 37, лиц. ст., 40) и humant- в параллельном тексте [šum]eš²⁹ LÚMEŠ KUR^{URU} Išmirika humanteš «вы все люди страны Исмирака» (KUB, XXVI, 41, обор. ст., 11).

Сходство в употреблении прилагательного panku- и формы rangarit обнаруживается и при изучении другой стереотипной формулы, в которой rangarit употребляется в связи с приходом целого войска³⁰. В этой формуле — LÚKÚR pa-an-ga-ri-it ú-it «враг пришел со всей совокупностью войска, целой массой» обращает на себя внимание то, что глагол

²⁵ Ср. также поврежденное pa-an-ga-u-i- L₁[LÚKÚR] «целому (вражескому) [войску] (буквально: врагу)» в анналах Суппилулиумаса, фрагмент 15, F, IV, 29 (G ü t e r f o s k, DS, стр. 75).

²⁶ Ср. сочетание humant- и rangarit (по реконструкции Гётце) в рассказе о Маддуваттасе (§ 8, л. ст. 44—45) — G ö t z e, Madduwattas, стр. 12.

²⁷ Текст Bo 2823, впервые напечатанный G ö t z e, AM, стр. 240.

²⁸ Цитируется по изданию E. S t u r t e v a n t and G. V e c h t e l, A Hittite chrestomathy, Philadelphia, 1935, стр. 130. Параллелизм двух приведенных словосочетаний (ранее не отмечавшийся) свидетельствует об ошибочности гипотезы G ö t z e, AM, стр. 239—240, согласно которой panku- в положении после существительного означает «каждый, всякий». Против гипотезы Гётце говорят и другие доводы. В принципе неверна мысль, что в хеттском различное положение прилагательного может приводить к коренным различиям в смысле (ср. об этом S o m m e r — F a l k e n s t e i n, HAV, прим. 2 на стр. 30). Приводимые Гётце сочетания pankuš LÚKÚR и LÚKÚR pankuš, несомненно, имеют одинаковое значение: «объединенный враг (т. е. совокупное вражеское войско)». Серьезным недостатком указанного места работы Гётце является произвольное истолкование ряда примеров, вырванных из контекста: так, из указанного выше астрологического предсказания Гётце приводит сочетание zaḥḥiḥa rangaii, которому он приписывает значение «в каждой битве», между тем panku- в этом тексте, как

и во многих других, связано с ERÍN^{MEŠ}-ti «войску». В KUB, XIX, II, I, 6 pankun связано не только с LÚKÚR, но и с последующим ERÍN^{MEŠ} (см. выше, ср. также о данном месте R. S. H a r d y, The old Hittite kingdom. A political history, отдельный оттиск из AJSL, LVIII, 1941, Private edition, Chicago, стр. 214). Поэтому гипотеза Гётце не выдерживает критики. Очевидно, Гётце позднее сам усомнился в правильности своего предположения, так как rangaiš в ритуальном тексте KUB, XII, 58, II, 13—14, переведенное им ранее (G ö t z e, AM, стр. 240) «каждого (eines jeden) (человека)», в более поздней работе A. G o e t z e, The Hittite ritual of Tunawī, New Haven, 1938, стр. 15, переводится «все (all)» (человечества). Однако, следуя ошибочной точке зрения Гётце, F r i e d r i c h, HW, 2, стр. 157 среди значений panku- указывает «каждый».

²⁹ Реконструкция поврежденного места по A. G o e t z e, Kizzuwatna and the problem of Hittite geography (Yale Oriental Series, Researches, т. XXII), New Haven, 1940, стр. 44.

³⁰ Древнейшая хеттская надпись царя Аниттаса, 2 BoTU, 7 + 30,5; KUB, XXI, 10, 12; KBo, III, 22,5; KUB, XIII, 27. л. ст., 22; ср. KBo, V, 6, II, 1.

стоит в форме единственного числа ³¹; это соответствует значению совокупности, целостности, устанавливаемому для rangarit (ср. обычное употребление прилагательного ranku- в форме единственного числа ³²). Употребление rangarit в связи с выходом или приходом целого войска следует сопоставить с употреблением ranku- в сочетании pa-an-ku-uš KASKAL-aš «всеобщий выход» ³³ в аккадско-хеттском словаре (КВо, I, 35, 12).

Поскольку rangarit является окаменевшей формой архаичного слова, встречающегося только в таких архаичных текстах, как надписи Аниттаса, и в анналах Суппилулиумаса ³⁴, употребление этой формы должно отражать особенности значения производных от корня rank- < * b^hrg^h- в древнехеттском языке. Связь первоначального значения массивности, густоты, обширности, общего для всех древних производных от этого индоевропейского корня, и позднейшего значения совокупности, собирательности прослеживается не только при анализе употребления rangarit, но и при исследовании текстов, в которых в качестве определения войска выступает прилагательное ranku-. В анналах Мурсилиса II словосочетание rankuš ERÍN^{MES} «целое войско» применительно к войскам противника употребляется тогда, когда описываются трудности, с которыми сталкивался Мурсилис в своих походах. Говоря о труднодоступности страны Арипсас, походом на которую пошел Мурсилис, составитель анналов сообщает: nam-ma-at me-ik-ki rāg-ku nu-kān KUR-e ku-it hu-u-ma-an ša-ra-a pa-a[-an] e-eš-ta na-an ERÍN^{MES} ra-an-ku-uš har-ta «потом она (страна Арипсас) очень высокая, и которая страна вся поднята вверх, ее целое войско держало» (т. е. «и страну, которая вся поднята вверх, целое войско держало»), обычная для хеттских относительных предложений конструкция ³⁵ — КВо, IV, 4=2ВоТУ, 58, В, IV, 7—8). Повествуя о борьбе Мурсилиса с бежавшими от него врагами, которых он называет рабами ³⁶, анналы Мурсилиса сообщают, что гора Ариннадас, на которой

³¹ Ср. аналогичную формулу ERÍN^{MES} ŠU.TE-ma pa-an-ga-ri-it an-da a-ri «войско же племени пришло в полном составе (целиком)» в анналах Суппилулиумаса (табл. 7, фр. 28, А, II, 1, G ü t e r b o s k, DS, стр. 91), где глагол a-ri так же стоит в форме единственного числа (соответственно реконструкции Ф о р р е а, 2, ВоТУ, 41, 6, и вопреки мнению G ö t z e, Madduwattas, стр. 115).

³² Известно только два места, где ranku- употреблено в форме множественного числа: в винительном падеже множественного числа rankuš в KUB, XXIII, 76, 8 (в качестве определения к temiānuš «слов») и в именительном падеже множественного числа rangadeš при перечислении богов в KUB, XXX, 36, II, 3.

³³ См. о значении этого сочетания G ö t z e, AM, стр. 239.

³⁴ Другие тексты Нового царства, в которых встречается данное слово, возможно, примыкают к тем же анналам, ср. о KUB, XXI, 10, F o r r e r, 2 ВоТУ, стр. 31; о КВо, VII, 16 — G ü t e r b o s k, DS, стр. 49. Исключение составляет рассказ о Маддуваттасе, в одном месте которого, как уже указывалось выше, по Гётце реконструируется это слово. В текстах, которые могут отражать особенности разговорного языка новохеттской эпохи, слово rangarit не встречается.

³⁵ G ö t z e, AM, стр. 35, перевел kuit в этом предложении как союз «так как». Но это противоречит смыслу (причинной связи между труднодоступностью страны и численностью гарнизона нет); надо думать, что kuit в этом предложении следует понимать как относительное местоимение — так же, как в предыдущем предложении (IV, 6), верно переведенном И. Ф р и д р и х, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952 (далее цитируется как Ф р и д р и х, КГХ), § 208 в, стр. 125.

³⁶ NAMRA^{MES} — особая категория рабов — государственные рабы-военнопленные, игравшие большую роль в жизни хеттского общества. См. о NAMRA^{MES} ЗВАХ, II, стр. 285. Были предложены два объяснения того, что Мурсилис в данном тексте называет жителей неприязненной страны (Арцавы) своими рабами-военнопленными (NAMRA^{MES}). Согласно одному объяснению, Мурсилис в предвкушении того, что жители Арцавы превратятся в его рабов, заранее называет их рабами — объяснение Б. Грозного, принятое F. S o m m e r, Die Aḫḫiyava-Urkunden, München, 1932, прим. 1 на

укрылись враги, была очень высокой. После этого в летописи говорится: NAMRA^{MES}-ma-an pa-an-ku-uš ḥar-ta ERÍN^{MES}-ja-kán pa-an-ku-(uš še-ir eš-ta) «рабы же всей массой ее занимали и войско цело(е было вверху)» (KUB, XIX, 15, обор., III, 42)³⁷. Следует подчеркнуть, что в этом месте прилагательное panku- употребляется дважды — в качестве определений к двум собирательным существительным, графически изображаемым идеограммами с показателями мн. ч.: ERÍN^{MES} и NAMRA^{MES}³⁸; это употребление связано с собирательным значением panku-. Из контекста, в котором употребляется pankuš ERÍN^{MES} и pankuš NAMRA^{MES} в указанных случаях, следует, что значение совокупности у panku- сочеталось со значением обширности (совокупное войско, следовательно, обширное, многочисленное). Именно поэтому обширность войска упоминается наряду с труднодоступностью местности в качестве обстоятельств, определявших характер военных действий. Это употребление panku- в качестве определения к существительному собирательному очень близко к употреблению baḥú- в «Ведах» в сочетании с собирательным существительным (ср. выше). Использование субстантивированного прилагательного (позднее существительного) panku- в качестве названия хеттского собрания непосредственно связано с рассмотренным выше применением panku- в качестве определения войска.

3. Состав хеттского собрания (panku-) по данным политических документов древнехеттского периода. Древнейшим хеттским памятником, в котором в качестве социального термина употребляется существительное panku-, является хеттско-аккадская билингва Хаттусилиса I. Начало хеттского текста этого документа, где встречается слово panku-, повреждено, поэтому особое значение приобретают данные аккадского варианта, где в качестве эквивалента хеттского слова panku- выступает аккадское nagbatu. Это аккадское слово, этимология и значение которого явились предметом длительной дискуссии³⁹, встречается только в спе-

стр. 71, и J. F r i e d r i c h, Hethitisches Elementarbuch, т. II, Lesestücke, Heidelberg, 1946 (далее цитируется как F r i e d r i c h, HE, II), стр. 67. Но Гётце убедительно показал, что арцавская война началась из-за отказа Арцавы выдать большую массу хеттских государственных рабов, бежавших в область Арцавы (G ö t z e, AM, стр. 219); поэтому NAMRA^{MES} может относиться в данном тексте и к бывшим рабам (NAMRA^{MES}) которых Мурсилис хочет силой вернуть себе (ср. т а м ж е, стр. 218). Это объяснение позволило бы предположить, что арцавская война была одновременно и войной с восстановленными рабами (ср. сочетание идеограмм NAMRA^{MES} «рабы» и ERÍN^{MES} «войско» в приводимой ниже цитате). Но вопрос этот окончательно не решен. С. Альт, автор новейшего специального исследования о NAMRA^{MES}, принимает первое объяснение (S. A l t, Die soziale Klasse der NAMRA-Leute, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», I (1950), стр. 116, ср. на стр. 114 о жителях Арцавы), но излагает и точку зрения Гётце (там же, прим. 23 на стр. 127), не приводя никаких возражений.

³⁷ Представляется несомненным, что panku- в указанных местах анналов Мурсилиса соответствует по значению rangarit в следующем месте анналов Суппилулиумаса, фрагмент 19, I, 6—7: [ḤUR.SAGTi-ца-ta-aš-ša-an-ma^{LÚ}K]ÚR pa-an-ga-ri-it ḥar-ta «[Гору же Тиватассас в]раг держал целым (своим войском)» (реконструкция G ü t e r b o c k, DS, стр. 80). Поэтому rangarit в данном тексте следует переводить так же, как panku- в приведенных выше местах анналов Суппилулиумаса (на это не обратил внимания Гютербок, следующий в данном случае, как и в других местах своей работы, переводу rangarit, предложенному Гётце).

³⁸ На сходство ERÍN^{MES} с NAMRA^{MES} в отношении синтаксическом в литературе уже было обращено внимание (Ф р и д р и х, КГХ, стр. 125—126).

³⁹ Долгое время господствовала точка зрения Е. F. W e i d n e r, Politische Dokumente aus Kleinasien, «Boghazköi-Studien», 8 Hft, Lpz, 1923 (далее цитируется: W e i d n e r, PDK), прим. 1 на стр. 100, согласно которой nagbatu является формой женского рода, производной от nagbu «совокупность» (что соответствует значению panku-). Необычная форма этого слова (nagbatu вместо закономерного *nagabtu, ср.

циальном контексте, связанном с описанием войска⁴⁰. В аккадских текстах из Богазкёя *paḡbatu* засвидетельствовано в двух памятниках: в указанном выше документе Хаттусилиса I (в грех местах, из них один раз в начале, НАВ, I, 1—2 — в сочетании с *ERÍN^{MES}* «войско») и в аккадском тексте государственного договора новохеттского периода в предложении *LÚ naḡru i-na libbi mati-šu i-na na-ag-ra-ti-šu ir-gu-ub*⁴¹ «враг в сердце страны его в своей совокупности вторгнется», где сочетание *i-na paḡbati-šu* является точным эквивалентом *paḡgarit* в приведенной выше хеттской стереотипной формуле, повествующей о приходе вражеского войска. В аккадских текстах иного происхождения (т. е. не из Богазкёя) слово *paḡ/kbatu* (в сочетании *i-na naḡbati-ša*) встречается только в предсказаниях в стереотипной формуле: *umman... i-na na-ak-ba-ti-ša i-ma-(aḡ)-qu-ut* «войско... падет в своей совокупности»⁴². Эта аккадская фраза переведена на хеттский язык посредством формулы *pa-an-ga-u-i ERÍN^{MES}-ti ma-uš-zi* «целому войску (суждено) пасть (в битве — *zahḫija*)» (буквально «в битве целому войску падение будет») — KUB, VIII, I, III, 6)⁴³. Анализ аккадских текстов, в которых встречается *paḡbatu*, показывает, что это слово было точным эквивалентом хеттского

Sommer — Falkenstein, НАВ, прим. 3 на стр. 29) связывалась с тем, что оно встречается только в богазкейских текстах, аккадский язык которых не безупречен. Но несколько лет назад В. фон Зоден указал на наличие *naḡbatu* в аккадских текстах, не связанных с Малой Азией (W. von Soden, *Zum akkadischen Wörterbuch*. 11. *naḡbatu*, *Og.*, 16, 1947, 1, стр. 78—79). В связи с этим фон Зоден предложил новое объяснение этой формы как производной от корня *kbt* «быть тяжелым», основываясь на чередовании *naḡbatu* с идеограммой DUGUD «тяжелый» в аккадских текстах; но в его статье не учитываются в достаточной мере данные богазкейских текстов (в частности то, что, в НАВ, I, 1, за *paḡbatu* следует *kaḡbuti*, т. е. производное от того же корня *kbt*) и не изучаются фразеологические сочетания, в которых употребляется слово *paḡbatu*. Для понимания хеттского *paḡku-* гипотеза фон Зодена ничего не дает, так как при определении значения слова *paḡbatu* (по фон Зодену «целостность, сомкнутость») он исходит из семантики хеттского эквивалента этого слова (поэтому делать обратные заключения было бы методически неверно). Ландсбергер в письме к Фридриху предложил перевод *naḡbatu* «Hauptmacht» (Friedrich, *NW*, 2, стр. 157), против чего в рецензии на словарь Фридриха возражает Гётце, ссылающийся на установленное Т. Гастером сравнение *paḡbatu* с угаритским *ngb* (A. Götz, *JAOS*, 74, 1954, № 3, стр. 190); ср. об этом сопоставлении И в а н о в, *ук. соч.*, стр. 45—46.

⁴⁰ Может быть, это имеет в виду Нейфельд, когда он замечает (по поводу НАВ, I, 1): «*naḡbati* refers to a body of warriors» («*naḡbati* относится к отряду воинов») (E. Neufeld, *The Hittite laws, translated into English and Hebrew with commentary*, L., 1951, прим. 92 на стр. 113). Но это утверждение Нейфельд не подкрепил анализом фактического материала аккадских текстов.

⁴¹ Издание Weidner, *PDK*, стр. 100.

⁴² См. Soden, *ук. соч.*, стр. 78; о хеттском переводе ср. И в а н о в, *ук. соч.*, стр. 46.

⁴³ Сочетание безличной формы *mauši* (от глагола *mauš-* «пасть») с формой дат. — мест. пад. имени существительного может пониматься двояко: или «будет падение войску», или «будет падение (потери) в войске»; вариант Friedrich, *HE*, II, стр. 75: «es wird im Heere (fallen=) Verluſten geben». Фридрих оставил без перевода *paḡaḡi*, очевидно, под влиянием Гётце, ошибочно связывавшего в этом предложении *paḡaḡi* с предшествующим *zahḫija* «в битве» (Götz, *AM*, стр. 240, ср. выше о понимании *paḡku-* в этой работе Гётце). В более раннем переводе этого текста, вышедшем до появления книги Гётце, Фридрих связывал *ERÍN^{MES}* с *paḡaḡi* (J. Friedrich, *Aus dem hethitischen Schrifttum*, II, AO, 25, *Hft* 2, 1925, стр. 28), но это делало его перевод противоречивым. Именно сочетание *paḡaḡi* с *ERÍN^{MES}-ti* показывает ошибочность перевода Фридриха: ясно, что речь идет о гибели целой совокупности войск, а не об отдельных потерях. Такое понимание соответствует контексту: до этого предсказывается близящаяся смерть царя, гибель страны, восстание. Значение местного падежа, которое Фридрих приписывает *ERÍN^{MES}-ti*, безусловно, имеется у *zahḫija* «в битве», сочетание двух форм *zahḫija* и *ERÍN^{MES}-ti* в значении местного падежа мало вероятно. Скорее всего первая форма имеет значение местного падежа, а вторая форма — зна-

panku- (и pangarit) в качестве определения войска. В соответствующих друг другу аккадской и хеттской формулах предсказания о гибели целого войска имеет место такое же отождествление аккадского nagbatu и хеттского panku- в сочетании с ERÍN^{MEŠ} «войско», как и в первых строках билингвы Хаттусилиса I. Поэтому аккадский текст этих строк памятника (HAB, I, 1—2): [LUGAL GAL T]a-ba-ar-na a-na ERÍN^{MEŠ} na-ag-ra-ti ù a-na kab-tu-ti [iq-bi] следует перевести «[Великий царь T] абарна целому войску⁴⁴ и сановникам [сказал]». Соответствующее хеттское предложение представляется возможным реконструировать и перевести следующим образом: LU[GAL·GAL] Ta-ba-ar-na ra-a[n-ga-u-i ERÍN^{MEŠ}-ti U'LU^{MEŠ} GAL]·GAL] me-mi-iš-ta «великий царь целому войску и сановникам сказал» (HAB, II, 1—2)⁴⁵. Если в приведенных строках panku- в качестве определения к ERÍN^{MEŠ} «войско» соответствует аккадскому nagbatu, выступающему в той же функции, то в двух других местах того же текста существительное panku- «собрание» является эквивалентом аккадского существительного nagbatu (HAB, IV/ III, 61; IV/III, 62). На основании аккадского перевода этого хеттского существительного дательного. Правильность предлагаемого перевода подтверждается при сравнении с параллельным местом того же текста: nu ma-a-an^d SIN-aš a-ki ERÍN^{MEŠ}-kán ma-uš-zi (KUB, VIII, I, III, 13) «и когда месяц умрет, войско падет».

⁴⁴ Возможность такого перевода учитывали и Sommer—Falkenstein. HAB, стр. 30, но они предпочли другое понимание этого текста, исходя из того, что в других местах памятника существительное nagbatu соответствует существительному panku (см. там же). Однако в остальных местах билингвы nagbatu употребляется вне сочетания с ERÍN^{MEŠ} в отличие от разбираемого предложения. Поэтому перевод данного места должен быть основан не на сравнении с другими местами этого текста, а на основании сравнения с сочетаниями nagbatu и ERÍN^{MEŠ} в других аккадских памятниках. Согласно предложенному Гастером и Гётце (см. об этом выше) сопоставлению аккадского šabe nagbati и угаритского šbi ngb (встречающегося в эпосе о Керете), употребление слов данного корня по отношению к войску (аккадское šabe= угаритское šbi) следует признать очень древним. В этой связи следует отметить, что Гастер, предлагая данное сопоставление, основываясь на общепринятой интерпретации текста документа Хаттусилиса; поэтому он склонен был считать и аккадское и угаритское сочетание «техническим термином, тождественным хеттскому panku, обозначающему, толпу⁴⁴ или окружение царя» (T. Gaster, The Canaanite epic of Keret, «Jewish quarterly review», 37, 1947, № 3, стр. 290). Однако сравнение с другими случаями употребления аккадского nagbatu позволяет предположить для šbi ngb в случае, если это угаритское сочетание действительно тождественно аккадскому šabe nagbati, значение «совокупное войско», что лучше согласуется с контекстом, в котором употребляется данное сочетание в эпосе о Керете (см. «Mission de Ras-Shamra», т. II, «La légende de Keret», publiée par Ch. Virolleaud, P., 1936, стр. 38 и стр. 44); ср. Иванов, ук. соч., стр. 45—46.

⁴⁵ Предлагаемая реконструкция отличается от общепринятой реконструкции Зоммера и Фалькенштейна в двух отношениях. В соответствии с изложенным выше пониманием аккадского ana ERÍN^{MEŠ} nagbati хеттский эквивалент этого сочетания восстанавливается в виде pangau ERÍN^{MEŠ}-ti (ср. о возможности такой реконструкции Sommer—Falkenstein, HAB, стр. 30). Предлагаемый перевод этого сочетания соответствует тому переводу данного предложения, который принят в некоторых новейших хеттологических работах («Grosskönig Tabarna sprach zu den gesamten Truppen» — E. von Schuler, Die Würdenträgerreihe des Arnuwanda, Or., 25, 1956, 3, стр. 216 — со ссылкой на статью S. Alp, «Belleten», XI, 43, стр. 412). Однако авторы этих работ придерживались реконструкции Зоммера ra[n-gauš ERÍN^{MEŠ}-ti], которая по существу противоречила их переводу, так как в сочетании с собирательным существительным ERÍN^{MEŠ} прилагательное panku- обычно выступает в форме единственного числа (см. об этом выше). Поэтому интерпретация pangauš как формы дательного падежа множественного числа в указанных работах С. Альпа и Э. фон Шулера представляется маловероятной. Вторым отличием предлагаемой реконструкции от общепринятой является введение идеограммы LÚ^{MEŠ}GAL·GAL в качестве встречающегося в хеттском варианте билингвы эквивалента аккадского kabtu (см. об этом ниже).

вительного можно установить, что оно первоначально обозначало собрание воинов ⁴⁶. Это согласуется с содержанием данного памятника, который является обращением царя к собранию и в то же время содержит призывы к войску беречь будущего царя в битве и помогать ему в случае восстания или войны ⁴⁷.

В пользу предположения о том, что термин *pankuš* в древности относился к совокупности свободного (мужского) населения Хеттского государства, свидетельствует и опубликованный в 1953 году Ф. Зоммером ранее неизвестный фрагмент царского указа древнехеттского периода, в котором имеется следующая строка: $L\dot{U}ME\dot{S} URU$ *Ha-at-ti pa-an-ku-uš* URU *Ha-a-[t-ti]* (музейный № 76/ег. 18)⁴⁸ «люди страны Хатти, панкус страны Ха[тти]». Если сопоставить эту фразу с приведенной выше (KUB, XXI, 37, V, пер., 40) *šumeš L\dot{U}ME\dot{S} URU* *Hatti pankuš* «вы (все) объединенные люди страны Хатти» ⁴⁹, то станет ясным, что *panku-* (как прилагательное и позже как существительное) применялось к очень обширной совокупности свободных, способных носить оружие (за вычетом всех рабов) ⁵⁰.

Но все же вполне вероятно, что уже в эпоху Хаттусилиса I имелись значительные ограничения состава панкуса, связанные с местом жительства. В пользу этого предположения говорит то, что ряд мест § 11 документа Хаттусилиса, к сожалению, сильно поврежденных, может быть истолкован как запрещение населению некоторых местностей (и даже местным старейшинам — $L\dot{U}.ME\dot{S}\dot{S}U.GI$) «говорить» (с Мурсилисом, будущим царем), что обосновывается ссылкой на мятежные действия жителей города Тапшассандаса. Поэтому можно предполагать, что в панкус входило главным образом население центра Хеттского государства — Хаттусаса. Однако нет никаких данных для того, чтобы предполагать какие-либо дополнительные ограничения состава панкуса.

Гипотеза Гётце ⁵¹ и Зоммера ⁵², принятая и некоторыми другими за-

⁴⁶ Ср. определение панкуса как собрания воинов, данное акад. В. В. Струве, «Всемирная история», т. I, М., 1956, стр. 373. Ср. также частое употребление акадского *puḫru(m)* («народное собрание» в значении «войско», отмечаемое в ассирийских текстах: Th. J a k o b s e n, *Primitive democracy in ancient Mesopotamia*, JNES, II (1943), № 3, прим. 44 на стр. 166—167.

⁴⁷ Ср. Иванов, ук. соч., стр. 46. Предлагаемое объяснение первоначального значения существительного *panku-* позволяет объяснить, почему оно (в отличие от других хеттских субстантивированных прилагательных) было словом одушевленного (несреднего) рода, ср. об этом M. Molè, *Contributions à l'étude du genre grammatical en hittite*, «Rocznik orientalistyczny», XV (1949), стр. 30.

⁴⁸ F. S o m m e r, *Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin*, OLZ, 1953, 48 Jg., № 1/2, стр. 15 (о переводе *pankuš*, данном Зоммером, ср. ниже). Если удастся реконструировать этот царский указ, то он может оказаться таким же ценным источником по истории древнехеттского периода, как и памятники Хаттусилиса и Телепинуса. В содержании фрагментов этого указа есть много общего с документами Телепинуса и Хаттусилиса; речь идет о междоусобице, убийствах, упоминается панкус.

⁴⁹ Ср. также выражение *pa-a[n-ku]-uš KUR URU* *Ha-at-ti* «в[с]я (целая) страна Хатти» в первой молитве Мурсилиса во время чумы (I, 49—50 — издание A. G ö t z e, *Die Pestgebete des Mursilis*, «Kleinasiatische Forschungen», I, Hft 2, Weimar, 1929, стр. 246; прилагательное *panku* в сходном контексте, где речь идет о всеобщей болезни, ср. также в KUB, V, 1, I, 47; 3, I, 44 и 47).

⁵⁰ Это ограничение не было принято во внимание Р. Х а р д и (ук. соч., стр. 214) в данном им определении состава панкуса в эпоху Хаттусилиса I. Ср. более точное определение в ЗВАХ, II, стр. 291.

⁵¹ A. G ö t z e, *Das Hethiter-Reich, ihre Stellung zwischen Ost und West* (AO, 27, Hft 2), 1928, стр. 20; A. G ö t z e, *Kleinasiens* (W. O t t o, *Handbuch der Altertumswissenschaft*, 3 Abt., I T., 3B. Dritter Abschnitt. Munich, 1933, стр. 80—81); о н ж е, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936, стр. 60—61.

⁵² S o m m e r — F a l k e n s t e i n, *NAB*, стр. 186, 211; F. S o m m e r, *Hethiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, стр. 28; о н ж е, *Zu den letzten Publikationen...*, стр. 15.

рубежными учеными⁵³, согласно которой в панкус уже в эпоху Хаттусилиса I входили только представители знати, не находит подтверждения в текстах, относящихся к этому времени. Против этого предположения говорит то, что, как сообщается в начале анализируемого документа, Хаттусилис I обратился с речью к совокупности воинов (панкусу) и к сановников (аккадское *kabtuti* — НАВ, I/II, 1—2). Если бы важнейшие должностные лица — представители знати (*kabtuti*) составляли панкус, то такая формулировка была бы тавтологией. По-видимому, наряду с панкусом, в который входили воины (часть свободного населения страны Хатти), существовал совет знатных должностных лиц — аккадск. *kabtuti*.

Термин *kabtuti* в аккадском варианте документа Хаттусилиса встречается еще раз, когда речь идет о бедствиях, которые отстраненный наследник (сын сестры царя) мог принести населению страны. Говоря о возможных бедствиях, которые могли случиться по вине отстраненного наследника, царь стремится доказать, что, отстраняя бывшего наследника, он действовал в интересах свободного населения страны — сановников и других подданных царя. Иными словами, царь доказывает, что он действовал в интересах своих слушателей — сановников и членов панкуса, к которым обращена его речь. В этом месте (НАВ, I, 22—23) *kabtuti* сочетается с $\dot{I}R^{MES}$ «подданные» как обозначение двух основных категорий жителей страны и соответственно двух основных категорий слушателей, к которым обращался царь⁵⁴ (соответствующий хеттский текст не сохранился). Далее в хеттском варианте (НАВ, II, 41; соответствующий аккадский текст не сохранился) Хаттусилис, обращаясь во втором лице множественного числа к своим слушателям и призывая их в случае будущей войны помогать Мурсилису, называет их $\dot{I}R^{MES}\text{-}IA \dot{U} L\dot{U}^{MES} GAL.GAL$ «мои подданные и великие люди». Сопоставление этих двух мест двуязычной надписи делает вероятным предположение, что идеограмма $L\dot{U}^{MES} GAL.GAL$ «великие люди» в хеттском тексте соответствует *kabtuti* в аккадском тексте. Это предположение подтверждается и другим местом хеттского варианта надписи, где говорится о подданных прадеда царя, нарушивших его завещание. Снова называются (НАВ, § 20, III, 43) две категории жителей: $\dot{I}R^{MES}\text{-}\dot{S}U L\dot{U}\text{-}MES GAL.GAL$ «его поддан-

⁵³ См., напр., L. Delaporte, *Les hittites*, P., 1936, стр. 63; G. Contenu, *La civilisation des hittites et des hurrites du Mitanni*, P., 1948 (nouveau éd.), стр. 57; O. Gurney, *The Hittites*, L., 1952, стр. 63, 68; ср. рецензию на эту книгу A. Hahn, «Word», II (1955), № 3, стр. 440; (ср. также отчет о докладе A. Hahn, *The Hittite pankus and Telepinus*, 2. 46—47, Or., 24, 1955, 4, стр. 406); H. Schmökel, *Geschichte des Alten Vorderasien* («Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, т. 2, ч. 3), Leiden, 1957, стр. 122, 125, 143. Более осторожную позицию занимает Н. G. Güterbock, *Authority and law in the Hittite kingdom* («Authority and law in the Ancient Orient», Suppl. to JAOS, № 17, 1954), стр. 19, ср. также M. Riemerschneider, *Die Welt der Hethiter*, Stuttgart, 1954, стр. 50.

⁵⁴ Зоммер (Sommer — Falkenstein, НАВ) и вслед за ним Friedrich (HE, II) восстанавливает в этом месте помимо сохранившихся $L\dot{U}^{MES} kab\text{-}tu\text{-}ti\text{-}ia \dot{I}R^{MES}\text{-}i$, а также $[ER\dot{I}N^{MES}\text{-}i]a$. Но эта реконструкция ни на чем не основана. Во всех сохранившихся местах как аккадского, так и хеттского текста говорится только о двух категориях жителей страны и слушателей царя; поэтому в указанном месте нельзя восстанавливать обозначение какой-то третьей категории. Зоммер не обратил на это внимания и поэтому не смог найти правильный хеттский идеографический эквивалент аккадского *kabtuti*. Зоммер реконструирует $[L\dot{U}^{MES} DUGUD]$ вместо нужного $[L\dot{U}^{MES} GAL.GAL]$. Но, как показал Э. Шулер (ук. соч., стр. 210—233), $L\dot{U} DUGUD$ является военным титулом, не обозначавшим высшие военные должности. Поэтому, вопреки мнению самого Э. Шулера (ук. соч., стр. 216—217), результаты его исследования требуют пересмотра реконструкции текста, предложенной Зоммером.

ные и великие люди» («великие люди» названы и строчкой ниже — III, 45). Эти же две категории упоминаются также и в дальнейшем, в наставлениях царя своему наследнику (HAB, III, 59, текст погрешен).

Если сравнить эти места с аккадским текстом (HAB, I, 22), где названы две категории жителей страны — *kabtuti* и *ÌR^{MEŠ}*, то станет очевидным, что эти две социальные категории назывались: одна — в аккадском варианте *kabtuti*, в хеттском *LÚ^{MEŠ} GAL.GAL* «великие люди», другая — и в хеттском и в аккадском *ÌR^{MEŠ}* «подданные». Очевидно, в обращении царя к своим слушателям: *ÌR^{MEŠ}.IA Û LÚ^{MEŠ} GAL.GAL* термин *LÚ^{MEŠ} GAL.GAL* соответствует *kabtuti* в начале документа Хаттусилиса. Но так как там сказано, что Хаттусилис обращается к *kabtuti* и панкусу (*ERIN^{MEŠ} nagbati*), то обращение *ÌR^{MEŠ}.IA* «мои подданные» нужно отнести к членам панкуса.

Если приведенный ряд сопоставлений указанных мест двуязычной надписи правилен, то нужно признать, что Хаттусилис говорит о двух основных категориях свободных жителей страны Хатти: о «подданных» (*ÌR^{MEŠ}*), входивших в состав панкуса (*pankuš, ERIN^{MEŠ} nagbati*), и о сановниках — «великих людях» (*LÚ^{MEŠ} GAL.GAL, kabtuti*). Надо думать, что совокупность этих знатных лиц рассматривалась как особый орган, отличный от панкуса. На это указывает начало документа Хаттусилиса — царь обращается к панкусу и *kabtuti*.

Более точно определить состав панкуса и *kabtuti* (= *LÚ^{MEŠ} GAL.GAL*) на основании данных документа Хаттусилиса не представляется возможным. Но некоторые косвенные данные можно извлечь из фрагмента 2 BoTU, 10 β = KBo, III, 27, который был составлен одновременно с рассматриваемым двуязычным текстом, возможно, по тому же поводу (т. е. по случаю назначения Мурсилиса наследником) и скорее всего должен считаться фрагментом этого же памятника⁵⁵. В этом фрагменте Хаттусилис обращается к своим «подданным» (*ÌR^{MEŠ} — KBo, III, 27, 15*); судя по словоупотреблению двуязычного документа Хаттусилиса, это обращение должно относиться к тем, кто входит в панкус (см. выше). Далее во фрагменте речь идет о придворных должностных лицах, в том числе о «сынах дворца»⁵⁶ (*DUMU^{MEŠ} É. GAL — KBo, III, 27, 19*) и о *мешеди* (*ME.ŠE.DI*⁵⁷ — KBo, III, 27, 17). Поэтому можно предполагать, что должностные лица, носившие эти титулы, входили в панкус; это предположение подтверждается более поздним документом Телепинуса, в котором перечисляются различные категории лиц, входивших в панкус, в том числе «сыны дворца» и мешеди (Tel. § 33, II, 66). Среди участников панкуса в этом месте документа Телепинуса называются и представители войска — начальники тысяч (а не рядовые воины, что может быть расценено как сужение состава панкуса по сравнению с эпохой Хаттуси-

⁵⁵ См. об этом тексте F o r g e r 2 BoTU стр. 4*; A. G ö t z e, Die historische Einleitung des Aleppo-Vertrages, «Altorientalische Studien Bruno Meissner... gewidmet», I, 1928, стр. 64; H. G. G ü t e r b o c k, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern, ZA, N. F., X (1938), стр. 99; S o m m e r — F a l k e n s t e i n, HAB, 1938, стр. 156, 157, 160, 168, 169, 211—212, 220; H a r d y, ук. соч., стр. 199—200. К вопросу об отношении этого текста к билингве Хаттусилиса автор предполагает вернуться в другой работе.

⁵⁶ Титул, встречающийся не только в клинописных хеттских, но и в иероглифических хеттских текстах, см. E. L a g o s h e, OLZ, 1954, № 8, стр. 327.

⁵⁷ См. о происхождении этого аккадского титула A. G o e t z e, рец. на S. A l p, Untersuchungen zu den Beamtennamen im hethitischen Festzeremoniell, JCS, I (1947), № 1, стр. 81.

лиса). Членам собрания (мешеди, начальникам тысяч и т. п.) в указанном тексте противопоставляются высшие сановники, которых имел право судить панкус: главные над мешеди, главные над полевыми начальниками тысяч (GAL ME.ŠE.DI, GAL LÜ.MEŠ UGULALI.IM—Tel., § 33, II, 71)⁵⁸.

Для определения состава панкуса в работах некоторых советских историков⁵⁹ использовалась стереотипная формула, многократно повторяющаяся в документе Телепинуса. О каждом из древнехеттских царей раннего периода (кончая Мурсилисом I — преемником Хаттусилиса I) в документе Телепинуса говорится: na-pa DUMU^{MEŠ}-ŠU ŠEŠ^{MEŠ}-ŠU LÜ^{MEŠ} ga-e-na-aš-še-oš-ša LÜ^{MEŠ} ha-aš-ša-an-na-aš-ša-aš Û ERÍN^{MEŠ}-ŠU ta-gu-up-ra-an-te-eš- c-še-ir «и (тогда⁶⁰) его сыновья, его братья, его свойственники, его кровные родственники (люди его семьи или его рода) (и) его воины собирались вместе (были объединены)⁶¹».

К царям, при которых царубийство и кровавые распри между царскими родственниками и свойственниками стали обычным явлением (т. е. к периоду, отделяющему царствование Мурсилиса от царствования Телепинуса), эта формулировка не применяется. Но зато своим преемником Телепинус предписывает: UR-RA-AM ŠE-RA-AM ku-iš am-mu-uk EGIR-an-da LUGAL-uš ki-ša-ri na-pa ŠEŠ^{MEŠ}-ŠU DUMU^{MEŠ}-ŠU LÜ^{MEŠ} ga-e-na-aš-ši-iš LÜ^{MEŠ} ha-aš-ša-an-na-aš-ša-aš Û ERÍN^{MEŠ} -ŠU ta-gu-up-ra-an-te-eš a-ša-an-du «Отныне, кто после меня царем станет, то (тогда) его братья, его сыновья, его свойственники, его кровные родственники (люди его семьи или его рода⁶²) (и) его воины да будут объединены» (Tel., II, 40—42, § 29). Для правильной интерпретации этой формулы (которая в документе Телепинуса прилагается и к Хаттусилису I—Tel., I, § 5, 13—15) следует сопоставить ее с соответствующими данными текста Хаттусилиса. В документе Хаттусилиса содержится призыв к объединению всех, к кому он обращается, под властью будущего

⁵⁸ Возможно, что о функциях совета высших сановников речь идет в следующем параграфе документа Телепинуса (2 ВоТУ, 23 F, § 34, 13—15), который обычно пропускается в переводах на современные языки. Однако текст этого параграфа сильно поврежден: сохранилось только начало, в котором перечисляются высшие должности. С вопросом об отражении в документе Телепинуса функций совета высших сановников в работах ряда советских и зарубежных историков связывалась проблема хеттского термина *tullija* - «собрание». Но вопрос об этом термине, который часто встречается в хеттских и лувийских текстах, требует рассмотрения в специальной работе.

⁵⁹ См. Н. М. Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, ИАН БССР, 1948, № 2, стр. 54—55; И. М. Дьяконов, ЗВАН, II, стр. 291. Акад. В. В. Струве, первоначально придерживавшийся сходной точки зрения (см. В. В. Струве, Древний Восток, 1936, стр. 314—315), позднее видоизменил ее в связи со своим пониманием термина *tullija*.

⁶⁰ Смысл частицы *-ара-* еще подлежит уточнению, ср. Фридрих, КГХ, § 304, стр. 153 (Tel., I, § 1, 2—4; I, § 1, 13—15; I, § 8, 24—26).

⁶¹ Как показано в работе Götze, Die Pestgebete des Mursilis, стр. 222—223, хеттский глагол *ta-gu-* является эквивалентом аккадского *puḫḫuru* «собрать». В данном тексте *ta-gu-* обычно переводится «быть объединенным», см. Фоггер, 2 ВоТУ, стр. 12*, мнение которого принято и другими учеными, ср. Götze, Die Pestgebete des Mursilis, стр. 223, он же, Kleinasien, прим. 1 на стр. 80, и F. Sommer, рец. на кн. Götze, Kleinasien, OLZ, 1935, № 5, стр. 279. Фридрих переводит *taruppanteš ešir* — «они были объединены» («Sie waren vereint» — Friedrich, HE, I, Heidelberg, 1940, § 200, стр. 63; Фридрих, КГХ, стр. 121). Этот же перевод принят И. М. Дунаевской (ЗВАН, II, стр. 254). Но все же нельзя считать исключенной и возможность перевода «собирались (на собрание)» (ср. аккадское *puḫḫu(m)* «собрание» от *puḫḫuru*).

⁶² Во всех других случаях употребления этой формулировки в том же тексте порядок обратный: сначала сыновья, потом братья, сначала родственники, потом свойственники.

царя — Мурсилиса (НАВ, II, 46). Обращается же Хаттусилис к своим подданным (IR^{MEŠ}), входящим в панкус (ERIN^{MEŠ} nagbati), и к знатым сановникам (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL=kabtuti). Есть все основания думать, что если существовал совет высших сановников, то в него прежде всего входили родственники и свойственники царя, как правило, занимавшие высшие государственные должности. Поэтому «братья, сыновья, свойственники и кровные родственники» царя в приведенной формулировке документа Телепинуса соответствуют скорее всего kabtuti (LÚ^{MEŠ} GAL.GAL) — «знатым, великим людям» текста Хаттусилиса. Остающиеся за вычетом этих категорий «(царские) воины» (ERIN^{MEŠ}) в тексте Телепинуса соответствуют этому же слову в сочетании ERIN^{MEŠ} nagbati — аккадском термине, передающем хеттское pankuš в тексте Хаттусилиса. Судя по этому, Телепинус призывает к объединению как своих высших сановников, так и своих «воинов», входивших в состав панкуса.

Документы древнехеттского периода свидетельствуют о существовании больших различий между этими двумя категориями подданных. В указанном выше фрагменте 2BoTU, 10β = KBo, III, 27, царь грозит жестоким наказанием должностным лицам (членам собрания), которые дерзнут ослушаться его приказа. В то же время представителям царского рода, повинным в кознях и даже в восстаниях против царя, не грозит такое наказание. Напротив, царь в билингве Хаттусилиса и в документе Телепинуса всячески подчеркивает свое милостивое отношение к своим врагам — членам царского рода⁶³. Это показывает, что права должностных лиц — членов панкуса — и права сановников — представителей высшей знати — были несоизмеримы.

(Продолжение следует)

⁶³ См. относительно документа Телепинуса В. В. Струве, О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20. Следует отметить, что в «завещании» Хаттусилиса I не только выражается «милостивое» отношение царя к своим родственникам, аналогичное тому, что позднее мы находим в документе Телепинуса, но и употребляется при этом стереотипная формула, позднее повторенная и в документе Телепинуса (ср. Nagdu, ук. соч., стр. 209, прим. 122). В обоих документах царь говорит о своих врагах, пощажённых им: nu az-zi-ik-ki-id-id-du ak-ku-uš-ki-id-du «и пусть он (она) ест (и) пьёт» (НАВ, II, 33; III, 21—22); nu-ša-za az-zi-ik-kán-du ak-ku-uš-kán-du «и пусть де они себе едят и пьют» (Tel., II, § 23, 24). Дословное совпадение этих формул позволяет окончательно доказать уже высказывавшуюся в советской исторической науке мысль, что многие положения документа Телепинуса отражали давно уже существовавшие обычаи и установления (ср. Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, стр. 56).

